

Информационный бюллетень Центра демографии и экологии человека
Института народохозяйственного прогнозирования РАН

ПЯТЬ ПРЕДВЗЯТЫХ ИДЕЙ ОБ ИММИГРАЦИИ¹

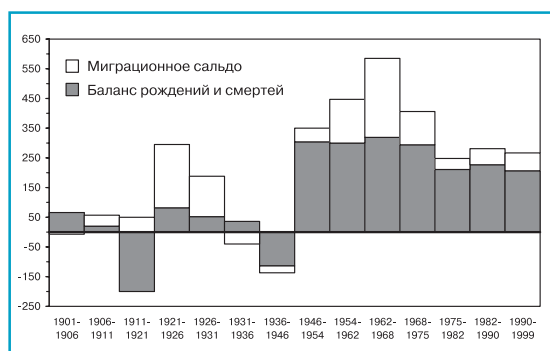
Cinq idées reçues sur l'immigration

Тема иммиграции во Франции остается настолько животрепещущей, что порой бывает трудно четко отделить реальные факты от заранее сформировавшихся предвзятых идей. Опираясь на наши нынешние знания, попытаемся рассеять некоторые из возникших заблуждений.

Идея первая: Франция - "страна массовой иммиграции"

Франция, конечно, с давних пор была страной иммиграции, но вот уже 25 лет, как эта иммиграция перестала быть массовой. Наоборот, теперь Франция относится к тому типу европейских стран, чей демографический рост мало зависит от иммиграции: всего лишь на 1/5-1/4 (рис. 1, 2).

Рис.1. Демографический баланс Франции в 20 веке (в тысячах)

Источник: переписи INSEE

Примечание: Период с переписи 1911 года до переписи 1921 года Франция прожила с отрицательным естественным приростом (смертей было на 200 тысяч больше, чем рождений) и положительным миграционным сальдо (иммигрантов было на 40 тысяч больше, чем эмигрантов). Во время кризиса тридцатых годов иммигранты стали возвращаться обратно в свои страны (отрицательные значения миграционного сальдо), а число смертей по-прежнему превышало число рождений. Послевоенный бэби-бум сопровождался мощным миграционным притоком, который существенно уменьшился после того, как в 1974 году сошла на "нет" трудовая миграция.

Каждый год число рождений во Франции на 200000 превышает число смертей, в то время как сальдо миграции (разница между въехавшими и выехавшими) колеблется на уровне 65000 человек. Даже если принять невероятное предположение, что все французские статистики ошибаются, а их европейские коллеги полностью правы, и удвоить наше миграционное сальдо, оставив его без изменения для сосед-

них стран, то и в этом случае миграционный вклад составит не более 40% прироста населения, что по-прежнему оставит Францию в конце списка европейских стран, ранжированных по этому параметру (рис. 2).

Несмотря на то, что об этом факте каждый год говорится в демографических итогах, публикуемых Национальным Институтом статистики и экономических исследований (INSEE) и Евростатом, а бюллетень "Population et Sociétés" систематически информирует о нем в своем мартовском номере, он остается крайне мало известен общественности. Зато господствует противоположный образ: Франция, переживающая демографический спад и штурмуемая нарастающей волной иммигрантов. В чем причина такого заблуждения?

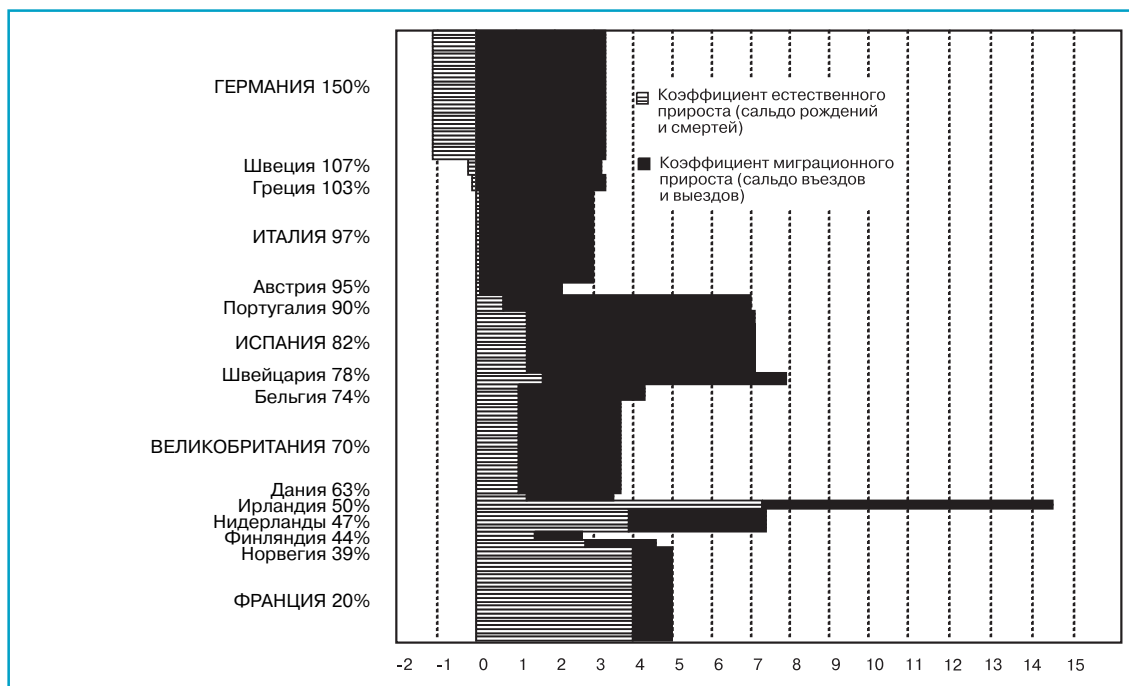
Во-первых, локальная концентрация иммигрантов в некоторых поселениях действительно может приводить к их чрезвычайно высокой доле в населении этих мест. Во-вторых, и главных, на нынешнюю ситуацию переносят обстоятельства прошлых лет. Франция безусловно была страной мощной иммиграции после Первой мировой войны (сальдо миграции составляло тогда две трети от демографического прироста), а также в период с шестидесятых годов до середины семидесятых (миграционный вклад сохранился на уровне 40%, в то время как бэби-бум еще не вступил в свою завершающую стадию) (рис.1) [1], [2]. На протяжении долгого времени историки совершенно справедливо подчеркивали вклад миграции в развитие общества, особенно заметный как в рабочих кругах, так и в среде интеллигенции. При этом иммиграция во Францию началась гораздо раньше и продолжалась дольше, чем в других европейских странах.

Если во Франции и есть серьезные интеграционные проблемы в образовательной сфере и на рынке труда, то это касается, прежде всего, детей тех, из кого состояли мощные потоки трудовой миграции 1950-1974 годов, т.к. вступление этих детей в активный возраст совпало с периодом экономического кризиса. Этот главный вопрос порождает сегодня активную общественную дискуссию. Но не нужно его смешивать с проблемами современного потока иммигрантов, который, как его не преувеличивай, все равно существенно ниже достигнутого тридцать лет назад и несравним с нынешним потоком в Германию и Южную Европу: что бы ни говорили, сейчас регулирование иммиграционных процессов французскими властями значительно более эффективно, да и слабый экономический рост делает страну менее привлекательной.

Оценивая подобным образом реальные масштабы явления, мы ни в коей мере не отрицаем наличие миграционного давления на границах. Оно проявляется, прежде всего, в ходатайствах о предоставлении

¹Перевод с французского. INED. Population et Sociétés. N397. Janvier 2004

Рис. 2. Демографический баланс за 2001 год для основных стран Западной Европы, ранжированных по доле миграции в общем приросте населения*

* Ширина полос (вертикальная ось) указывает на численность населения стран; их площади пропорциональны положительной или отрицательной величине прироста населения

Примечание: Обладая коэффициентом естественного прироста, равного 4 на 1000, и коэффициентом миграционного прироста 1 на 1000, Франция является примером европейской страны, чей ежегодный прирост в малой степени зависит от иммиграции: всего лишь на 20%, в то время как в Германии, наоборот, смерти превышают рождения (отрицательный естественный прирост ниже, чем -1 на 1000), а миграционный прирост превышает 3 на 1000, т.е. на 50% больше общего прироста.

убежища, но их количество не соответствует понятию "наплыва", а скорее демонстрирует регулярность потока из наших старых азиатских и африканских колоний, формируемого студентами, число которых растет с каждым годом. Ничего похожего на мощный миграционный приток в Германию из бывшего СССР и бывшей Югославии. И тем более, ничего похожего на миграцию рабочей силы, захлестнувшую страны Средиземноморья, переживающие экономический рост.

Идея вторая:
коэффициент рождаемости во Франции
определяется, в основном, семьями иммигрантов

Еще один способ поставить под сомнение реальные факты - это утверждать, будто превышение числа рождений над числом смертей во Франции, самое значительное в Европе по величине, обеспечивается, главным образом, рождением детей у иммигрантов. В самом деле, INSEE не считает иммигрантами детей иммигрантов, рожденных во Франции: они не пересекали никакой границы. Поэтому ребенок, рожденный в семье иммигрантов, попадает в статистику естественного прироста, а вовсе не миграционного. Может ли это исказить наш демографический баланс по отношению к балансу наших соседей? Утверждать так, значит забывать, что проблема решается подобным образом во всех европейских странах: французские демографы лишь следуют универсальным нормам. Если же мы решаем от них отказаться, то это же нужно сделать во всех странах, принимающих иммигрантов, что, в конечном итоге, сохранит неизменным место каждой страны при ранжировании по этому показателю.

Можем ли мы, однако, точно оценить недавний вклад иммиграции во французскую рождаемость?

Расчет для десятилетия 1990-х был осуществлен Л. Тулемоном, благодаря анкете "Изучение истории семьи", распространявшейся во время переписи 1999 года (подробно см. №398 бюллетеня "Population et Sociétés"). Разрыв в рождаемости у иммигранток и урожденных француженок намного ниже цифр, циркулирующих в обществе. В период 1991-1998 годов среднее число детей на одну женщину составляло 1,72 для всех французских женщин в целом и 1,65 - отдельно для урожденных француженок. Иммигрантки, составляющие всего лишь двенадцатую часть от общего числа женщин детородного возраста, слишком малочисленны, чтобы существенно поднять коэффициент суммарной рождаемости в стране (с 1,65 до 1,72 - разница всего лишь в 0,07 ребенка на одну женщину). Можно предположить, что в среднем они имели 2,2 ребенка на одну женщину, из которых 0,6 были рождены до их переезда во Францию, а 1,6 родились уже во Франции. В этом результате нет ничего удивительного, если знать, с какой скоростью происходило падение рождаемости в Южной Европе и, тем более, в странах Магриба (от более чем 7 детей на одну женщину в 70-х годах до 2,5 в нынешнее время); подобное падение происходило и в столицах африканских государств южнее Сахары.

Если общественность почти не воспринимает феномен подобной конвергенции, то лишь по причине временного сдвига. Молодые люди, вышедшие из иммигрантской среды и попадающие отныне в поле общественного внимания, родились 15 или 20 лет назад; они появились на свет при том типе рождаемости, который практически уже не существует. Недалеко то время, когда классическая картина иммигрантской семьи с большим количеством детей перестанет соответствовать действительности.

Идея третья: недоучитываемая нелегальная миграция достигает огромных размеров

Из того, что нелегальная миграция не поддается полному учету, еще не следует, что она огромна по своим масштабам. Периодически проводимые в европейских странах меры по легализации дают представление об истинном порядке величин, т.к. даже простые слухи о легализации мобилизуют всех заинтересованных в ней.

В действительности, оценка численности нелегалов пересматривается постоянно [3], [4]. Франция легализовала в 1982 году около 132 тысяч иммигрантов, а в 1997-1998 годах удовлетворила примерно 90 тысяч ходатайств из 130 тысяч (ходатайства, отклоненные один раз, подаются повторно). Основная погрешность возникает в случае суммирования данных по уже пребывающим в стране с численностью нового притока. В действительности, в обоих случаях оказывалось, что продолжительность пребывания нелегальных иммигрантов растягивалась на десяток лет, или, если это выразить в терминах миграционного сальдо, за десять предшествующих лет прибавка составляла бы около 13 тысяч ежегодно. Таким образом, если исходить из предварительных оценок INSEE (в среднем 50 тысяч в год), величина сальдо увеличивается на 25%. Несомненно, значительная корректировка, которую можно, для очистки совести, увеличить еще, что все равно кардинально не меняет порядка величин оценок иммиграции, остающейся в большинстве своем легальной. Франция пока далека от тех мероприятий по легализации, которые с огромным размахом вынуждены проводить у себя последние пять лет Испания, Италия и Греция: там численность желающих легализоваться иногда переваливает за полмиллиона.

Другой способ оценки состоит в том, чтобы проводить анализ непосредственно по основным секторам нелегальной занятости, осуществляющим главную экономическую подпитку нелегальной иммиграции. По информации из доклада Вейля 1997 года [4], такой тип занятости более чем на 90% концентрируется в строительстве, туризме, сельском хозяйстве, пошиве одежды и домашнем хозяйстве. Исследования, проведенные в этих секторах, показывают, что нелегальная миграция сталкивается в них с превосходящим ее по численности черным рынком национальной рабочей силы, что лимитирует максимально возможное число занятых здесь иммигрантов. Частично нелегальность в этих сферах порождается порядком организации сезонных и временных работ, официальное оформление которых трудоемко для работодателя и не слишком выгодно для работника.

Идея четвертая: официальная статистика не способна вести точный учет иммигрантов

Учет миграционных потоков - дело весьма трудное: официальными инстанциями регистрируется лишь часть въездов, выезды же не отслеживаются вовсе. Но связь между демографическими величинами позволяет частично заполнить пробелы. Рожденные и выросшие во Франции дети иммигрантов попадают в демографическую статистику, социальную и школьную.

Спустившись на детальный уровень, всегда можно восстановить ошибки расчетных величин, но роль демографов не в том, чтобы описать действительность с помощью безукоризненных данных. Гораздо лучше

понять социальный источник существующих перекосов, чем пытаться их статистически ликвидировать. Например, благодаря лонгитудинальным исследованиям INSEE, известно, что растет группа пожилых иммигрантов, приехавших во Францию молодыми и склонных со временем декларируют себя "французами по рождению", вместо того, чтобы заявлять о приобретенном гражданстве. Постепенно они перестают чувствовать себя иммигрантами. Было бы абсурдным называть это "ложным заявлением" и требовать от INSEE навести здесь порядок: это очевидное свидетельство завершенной интеграции.

То же самое касается семей, в которых точно не знают, являются ли их дети, рожденные во Франции, французами по рождению (например, в случае, если родители сами родились во французском Алжире до 1962 года и на них распространяется двойное "право почвы") или они ими становятся в возрасте 13, 16 или 18 лет (при применении простого "права почвы", с возможностью подачи предварительного ходатайства о гражданстве). Таким образом, некоторые семьи во время переписи заявляют о наличии гражданства, которое еще только предстоит получить. Должен ли демограф призывать на помощь власти, чтобы положить конец этим неточностям? Нет, его роль не в этом.

Превратить перепись населения в широкую кампанию по наведению порядка, заставив иммигрантов зарегистрироваться для получения права на различные социальные блага, - значило бы исказить саму идею переписи, которая зиждется, прежде всего, на доверии между INSEE, мэриями и населением. Это означало бы также полный пересмотр режима статистического учета французского населения. А ведь наш режим, наряду с режимом Великобритании, является самым либеральным в Европе. Мы не обязаны сообщать в мэрию для внесения в регистры населения об изменениях местожительства, в то время как это является обязательным у наших соседей и часто связано с доступом в школы и к системе социального страхования. Если при этом регистры централизованы и компьютеризированы (как в Бельгии и северных странах), то это позволяет полностью отследить все домохозяйства, включая иммигрантские. Но не надо забывать уроки прошлого: единственный период в нашей истории, когда заявление об изменении местожительства было обязательным, - это режим Виши, которой воспользовался этой мерой для организации облавы Зимнего Велодрома в июле 1942 года². После освобождения эта система была ликвидирована. И никакой статистический орган сегодня не требует ее восстановления.

Идея пятая: принимать иммигрантов - это принимать "мировую нищету"

Адам Смит благодарил бедных за их стихийные перемещения в более богатые зоны, способствовавшие выравниванию уровня зарплат от зоны к зоне. Набрасывая эту "гравитационную" модель, первую в длинном ряду подобных моделей, он признавал тем самым, что "человек из всех грузов наиболее трудно поддается перемещению". Множество исследователей подтверждали то же самое: люди эмигрируют гораздо меньше, чем предсказывают различные экономические или демографические модели [5]. Привязанный к своим родным, своему языку, своей стране, к ее гуманитарному богатству, мало транспортабельному из-за недостаточной стандартизованности, человек имеет тысячу причин, чтобы не эмигрировать. Фак-

² Имеется в виду акция французской полиции 16 июля 1942 г. по аресту и депортации 13 тысяч парижских евреев. Полицейские располагали списками подлежащих аресту, составленными на основе данных о регистрации по месту жительства, проведенной в 1940 г., вскоре после оккупации Парижа. Часть арестованных (около 7 тысяч человек) первоначально сосредоточили на Зимнем Велодроме — отсюда название акции.

тически, в масштабах планеты, лишь один из сорока человек (2,5%) проживает за рубежом, часто будучи вынужденным к этому локальным конфликтом, выходя, по возможности, соседнюю страну [6].

Когда говорят о "мировой нищете", подразумевают иммиграцию с Юга, из самых бедных стран на планете. Но каково, собственно, место иммигрантов на социальной лестнице их исходных обществ? Редко в самом низу и, наоборот, часто выше среднего. Показателен пример Португалии: эмиграция шестидесятих и семидесятих годов в большей степени состояла из мелких собственников Севера, чем более бедных сельскохозяйственных поденщиков из Альгарва. То же самое в Испании. Этот феномен был подтвержден давним исследованием, проведенным в горных деревнях юга Андалузии [7]: была зафиксирована вся совокупность выездов за 8 лет, по всем возможным направлениям. В результате была построена миграционная схема с очень четкой иерархией, где шансы иммигрировать на дальнейшее расстояние растут по мере накопления интеллектуального капитала, даже если он остается более скромным по сравнению со средним уровнем образования в стране въезда. Самые бедные (сельскохозяйственные рабочие, неграмотные, обремененные семьей, в зрелом возрасте) устраивались рабочими или строителями в соседних провинциях. Молодежь, освоившая грамоту, работала на заставах или заводах севера Испании. И только наиболее одаренные (преимущественно молодые, окончившие начальную школу и обладающие какими-то сбережениями) могли позволить себе эмиграцию во Францию, Германию или Швейцарию.

Такие исследования остаются редкими. Единственная недавняя крупная анкета, охватившая одновременно и страны выезда, и страны въезда, - это анкета, выполненная по заказу Евростата в НИДИ (Нидерландском Институте демографии) [8]. Она показывает, что мигранты более образованы, чем остальные, если речь идет о Турции, Египте или Гане, в то время как для Марокко картина обратная. Но социально-экономические данные по странам Юга остаются отрывочными: специалисты по экономике труда, старающиеся оценить влияние миграций на распределение человеческого капитала и доходов в зонах выезда и въезда (двойное воздействие массовой утечки мозгов), с трудом находят достоверные данные [9].

В целом, однако, можно констатировать, что мигранты выделяются на фоне остального населения стран исхода: у них лучше здоровье, они более образованы, предприимчивы, обладают минимумом средств для оплаты расходов на транспорт и обустройство - наличие всех этих возможностей позволяет снизить издержки миграции.

Главная пружина миграции - это не столько нищета мира, сколько нищета государств. Не говоря уж о ситуации гражданской войны и преследований, порождающих потоки беженцев, существует еще множество бедных стран, просто не дающих минимальных гарантий реализации жизненных планов своих граждан (дезорганизованное управление, нестабильная политическая система, неразвитая инфраструктура). В этом случае те, кто хочет изменить к лучшему свою судьбу, начинают поиск этих необходимых гарантий в другом месте, что иногда не позволяет отличить экономическую миграцию от политической. Вообще, связь между системой управления и эмиграцией изучена пока слабо. Такой способ протестовать "ногами" - своего рода критика в ее крайнем проявлении, преобразуясь в мечту об эмиграции, часто даже не очень определенной. Анкета НИДИ показывает: если мечту об эмиграции на Север лелеют очень многие уроженцы стран исхода (их доля варьирует от 20 до 40% в зависимости от страны), то сделать это в ближайшие 2 года планирует лишь небольшая часть из них (меньше 5%), а реально готовится к этому только незначительное меньшинство.

Без разумного контроля миграционных потоков, без работы по взаимной интеграции, без эффективной борьбы против дискриминации (проявляющейся как на уровне принимающей стороны в целом, так и в отдельных сообществах) иммиграция никогда не станет "шансом для Франции". Роль демографов - способствовать дискуссии в этой области, развенчивая ложные представления. Нет, иммиграция отнюдь не является массовой; в большинстве своем, она легальна; для нее не характерны высокая рождаемость и нищета; она вполне поддается учету. Нам предстоит еще многое узнать об иммиграции.

Франсуа ЭРАН
Francois HÉRAN

- [1] Michèle TRIBALAT (dir.) - Cent ans d'immigration. Étrangers d'hier, Français d'aujourd'hui, coll. "Les cahiers de l'Ined", n°131, 1991, 302 p.
- [2] Fabienne DAGUET - Un siècle de démographie française, "Insee-Résultats", 1995, 306 p.
- [3] Xavier THIERRY. - "Les entrées d'étrangers en France: évolutions statistiques et bilan de l'opération de régularisation exceptionnelle de 1997", *Population*, 55 (3), 2002, Ined, p. 567-620
- [4] Patrick WEIL. - "Populations en mouvement, État inerte?", dans: Roger FAUROUX, Bernard SPITZ (dir.). - Notre État, Paris, R. Laffont, 2001, p. 413-433
- [5] Graziella CASELLI, Jacques VALLIN et Guillaume WUNSCH (dir.). - Démographie: analyse et synthèse, t. 4: Les déterminants de la migration, Paris, Ined, 2003, 225 p.
- [6] Gildas SIMON. - "Les Migrations internationales", *Population & Sociétés*, n° 382, Ined, septembre 2002
- [7] Francois HÉRAN. - "Le système des migrations dans l'arrière-pays de la Costa del Sol", dans: A.-M. BERNAL et al. - Tourisme et développement régional en Andalousie, Paris, Casa de Velazquez, 1979, p. 95-133
- [8] Saskia VOETS, Jeannette SCHOORL et Bart DE BRUIJN (eds.). - Demographic consequences of international migration, NIDI, The Hague, 1995, 430 p.
- [9] Francois HÉRAN (dir.). - Immigration, marché du travail, intégration, Commissariat général du Plan, Paris, La Documentation française, 2002, 230 p.

Редакция: Анатолий Вишневский (главный редактор), Ален Блюм, Юлия Флоринская

ЦЕНТР ДЕМОГРАФИИ И ЭКОЛОГИИ ЧЕЛОВЕКА
ИНСТИТУТА НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННОГО
ПРОГНОЗИРОВАНИЯ РАН
ПРИ ПОДДЕРЖКЕ «POPULATION ET SOCIÉTÉS» - БЮЛЛЕТЕНЯ
НАЦИОНАЛЬНОГО ИНСТИТУТА
ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ. ФРАНЦИЯ

Свидетельство о регистрации в Роскомпечати 013123

117418, Москва, Нахимовский пр-т, 47. Тел. 332 43 14 Факс: (095) 718 97 71 E-mail: jflorin@unix.ecfor.rssi.ru

Prix hors de Russie
Le numero: 10F
Abonnement annuel (6 numeros): 50F
Adresse pour l'abonnement:
I.N.E.D., 133, boulevard Davout
75980 Paris, Cedex 20, France

www.demoscope.ru